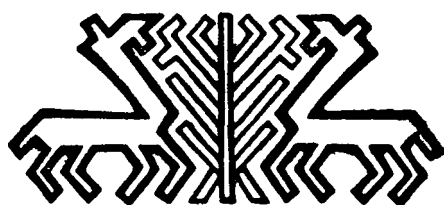

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

С О В Е Т С К А Я
Э Т Н О Г Р А Ф И Я

2

1 9 4 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора доцент М. Г. Левин,
член-корреспондент АН СССР А. Д. Удальцов,
Н. А. Кисляков, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Н. Н. Степанов

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, к. 326

Подписано к печати 21, V 1948 г.

А-00397

Уч.-изд. л. 29,5

Печ. листов 17

Заказ 193

Тираж 2000 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский, 10.

СОДЕРЖАНИЕ

Задачи этнографов в связи с положением на музыкальном фронте	3
Вопросы этногенеза	
С. П. Толстов. «Нарцы» и «Волхи» на Дунае (Из историко-этнографических комментариев к Нестору)	8
Т. А. Трофимова. Краниологические данные к этногенезу западных славян.	39
Акад. Л. С. Берг. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян . .	62
А. П. Смирнов. Древнеславянские памятники Нижнего и Среднего Поволжья	74
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
Е. В. Гиппиус. О русской народной подголосочной полифонии в конце XVIII — начале XIX века	86
В. И. Чичеров. Русские колядки и их типы	105
М. Н. Шмелева. Типы женской народной одежды украинского населения Закарпатской области	130
Л. Г. Баран, М. С. Меерович. Белорусские народные предания и сказки-легенды о Заслонове и Ковпаке	147
Акад. Н. С. Державин. Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР	156
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
П. Н. Третьяков. Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии	170
Из истории этнографии и антропологии	
С. А. Токарев. Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку .	184
Хроника	
В. Храмова. Сессия Института этнографии, посвященная 30-летию Октября	208
Б. Гершкович, В. Крупянская, В. Соколова. Совещание по вопросам сам собирания, изучения и издания фольклора Великой Отечественной войны	209
Л. Потапов. Экспозиция по славянским народам в Гос. Музее этнографии	216
В. Белицер. Выставка «Народная одежда и народное творчество белорусов» в Музее народов СССР	217
М. Я. Гринблат. Белорусская советская этнография за 30 лет	219
А. Гуз. Возрождение русского этнографического хора села Дорожево . . .	225
Personalia	
А. Робакидзе. С. Н. Джанашиа	226
Критика и библиография	
М. Кузнецов, И. Дмитраков. Против буржуазных традиций в фольклористике	230
М. Рабинович. Вопросы этногенеза восточных славян в исследованиях советских археологов	239
П. Богатырев. Две статьи о народных песнях эпохи освободительной войны в Чехословакии	244
П. Шаревская. Апология расизма в американской этнографии	246
Н. Бутинов. E. D. Chapple and C. S. Coon, Principles of Anthropology . .	248
Н. Бутинов. A. L. Kroeber, Configurations of Culture Growth	251
Гр. Стратанович. Montague Summers, Witchcraft and Black Magic	254

Акад. Н. С. ДЕРЖАВИН

АЛБАНЦЫ-АРНАУТЫ НА ПРИАЗОВЬЕ УКРАИНСКОЙ ССР

I

Краткая историческая справка об албанцах на Украине¹

В 70-х гг. XVIII в., после Чесменской битвы, так называемое «греческое войско», образованное капитаном Стефаном Мавромихали из спартанских легионов в целях активной поддержки русских военных сил, было переселено в Россию. В 1775 г. эти греки сами себя называли «албанцами». Говоря об устройстве этих греков, Потемкин в своих докладах называет их «албанским войском». Известный статистик и исследователь Новороссийского края А. Скальковский в 1850 г. замечает по этому поводу: «Они назвали себя албанцами вероятно оттого, что большая часть состояла из арнаутов или шкипетаров, обыкновенно именуемых албанцами»². В 1778 г. в судьбе этих «албанцев», отправленных вместе с русскими войсками в Крым, принимает участие Суворов, настаивавший на их водворении, в интересах спасения их от вымирания, в Мариупольском районе среди греков. После присоединения Крыма к России эти «албанцы» были водворены в Балаклаве и в семи селах между Балаклавой и Ялтой: Кадыкой, Карани, Алси, Камары, Керменчик, Балта-Чокрак, Аутка,— причем им было поручено несение карантинно-пограничной службы и они получили наименование «Балаклавский греческий пехотный батальон». В другой раз в наших исторических документах албанцы упоминаются при создании в 1794—1795 гг. гор. Одессы, когда была учреждена специальная «Комиссия для поселения греков и албанцев», причем этих «греков и албанцев» тогда числилось в Одессе 269 чел. С того же времени ведут свое начало и одесские Большая и Малая Арнаутские улицы³.

С названной выше группой так называемых албанцев Балаклавского греческого пехотного батальона и Одессы ничего общего не имеет другая группа албанских поселенцев, явившаяся к нам в Бессарабию через г. Галац в 1809—1810 гг. из болгарской деревни Деви, расположенной несколько западнее г. Варны (см. также Девненское озеро у г. Варны). Переселившись в Бессарабию в числе 300 семейств, эти ал-

¹ Настоящая статья написана на основе материалов, собранных автором в 1925 г. По переписи 1926 г. по Мелитопольскому округу албанцев числилось: мужчин 1475, женщин 1519, а всего 2994. Почти все эти албанцы проживали во Второ-Покровском районе (на берегу Азовского моря), в котором числилось албанцев: мужчин 1465, женщин 1515, всего 2980. Лиц, употреблявших в качестве основного албанский язык, было: мужчин 1430, женщин 1478, всего 2908. Таким образом, албанцы (именно в тех районах, в которых наблюдал их академик Державин) продолжали в то время говорить по-албански и считали себя не турками и не греками, а албанцами. В настоящее время албанцы проживают в селах: Гаммовка (Джандран), Георгиевка (Тююшки) и Девненское (Газ), как любезно сообщил на наш запрос Председатель Исполнительного комитета советов депутатов трудящихся Приазовского района Мелитопольской области тов. Алейников, за что приносим ему глубокую благодарность.— *Редакция.*

² А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, Одесса, 1850, стр. 279.

³ Там же, стр. 283.

банцы были водворены здесь в татарской деревне Чумай на правом берегу р. Ялпух, а с 1820 г., наделенные по указу 1819 г. землей, они постоянно, вплоть до настоящего дня, живут по левой стороне озера Ялпух в шести километрах к юго-востоку от г. Болграда в колонии Каракурт, откуда в 1862 г. часть населения вместе с массой болгарских колонистов Измаильско-Болградского района переселилась на побережье Азовского моря в Бердянский уезд Таврической губ., образовав здесь три албанские колонии: Гаммовку (Джандран), Георгиевку (Тююшки) и Девненское (Таз), расположенные в 25—28 км к юго-востоку от г. Мелитополя на пространстве между Азовским побережьем и с. Покровка 2-я.

По данным А. Скальковского, в 1821 г. в Новороссии имелось «греков и арнаутов» 900 человек⁴. По данным другого статистика и исследователя иностранной колонизации России — А. Клаус, в 1826 г. в Бессарабии насчитывалось 119 албанских семейств, состоявших из 305 мужчин и 285 женщин, а всего 590 человек населения⁵. Что касается, в частности, с. Каракурт, то по данным, извлекаемым нами из трудов Петра Кеппена⁶, в 1848 г. здесь насчитывалось 160 семейств и 1092 человека, а два года спустя, в 1850 г., — 109 семейств и 1060 человек; еще несколько лет спустя, в 1856 г., в Каракурте Бессарабской губ. показано 123 албанских семейства, а для всей Бессарабии в это же время 154 семейства и 1328 человек, в том числе 686 мужчин и 642 женщины.

Последние, имевшиеся в нашем распоряжении официальные данные для нашей албанской статистики — это Всероссийская перепись 1897 г. Данные эти следующие:

Губернии, города, уезды	Мужчин	Женщин	Всего
Бессарабская губ.	432	416	848
г. Кишинев	9	1	10
Аккерманский у.	2	—	2
Бендерский у.	—	7	7
Измаильский у.	420	407	827
г. Болград	1	1	2
Херсонская губ.	33	4	37
г. Николаев	3	—	3
Херсонский у.	—	3	3
г. Одесса	30	1	31
Таврическая губ.	8	3	11
г. Бердянск	5	1	6
Бердянский у.	—	1	1
Мелитопольский у.	1	—	1
Ялтинский у.	1	—	1
г. Севастополь	1	1	2
Итого	473	423	896

⁴ А. Скальковский, Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае, Одесса, 1848, стр. 35.

⁵ А. Клаус, Наши колонии, СПб., 1869, стр. 320.

⁶ П. Кеппен, Die Bulgaren in Bessarabien, Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impér. des Sciences de S.-Petersburg, т. XI, № 13—14, 1854. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России, СПб., 1861.

В этих данных для Таврической губ., как мы видим, показано всего 11 человек албанцев, а между тем уже у А. Клауса в 1869 г. только для одного Бердянского у. этой губернии мы имеем албанцев: в с. Гаммовке 111 наделенных земель человек и 40 дворов, в с. Георгиевке 166 чел. и 72 двора, в с. Девненском 213 человек и 82 двора, а всего 490 человек и 194 семейных двора.

Эти три албанские колонии, отмеченные Клаусом в 1869 г. в Бердянском у., находятся и по сей день в том же этническом составе и на том же месте, где они были в 1869 г., т. е. в районе б. Бердянского у. Никаких переселений и выселений за все время после 1869 г. здесь не было, о чем свидетельствовало на основании по крайней мере сорокалетнего моего непосредственного знакомства с населением этого района; а между тем на весь Бердянский у. переписью 1897 г. показан всего только 1 албанец, и притом — женщина. Что наши украинские албанцы остались не известными Всероссийской переписи 1897 г., об этом говорит и тот факт, что в общей сводке населяющих Россию народностей показаны только албанцы или арнауты, проживающие в Бессарабской губ. (Измаильский у.) в числе 936 человек⁷.

Не будем, однако, спешить с заявлением об открытии нами на территории СССР какой-то новой, неведомой для старой официальной статистики народности — албанцев, несомненно населяющих целые три селения вблизи от большого районного центра и состоящих в тесном добрососедском хозяйственном и культурном общении со своими ближайшими и весьма многочисленными соседями — русскими, болгарами, гагаузами и молдаванами. Обратимся к другим данным той же переписи, и мы наткнемся на еще более любопытное открытие, которое разъяснит нам, куда исчезли наши украинские албанцы, а вместе с тем послужит нам и маленькой иллюстрацией к тому, какими источниками мы располагаем для составления себе правильного суждения об этническом составе населения нашего Союза.

Перепись 1897 г. показывает для б. Бердянского у., исключая г. Бердянск, между прочими другими народностями также: 1) татар — 479 человек и 2) турок — 296 человек. Зная состав населения б. Бердянского у. из своих многолетних наблюдений, разъездов и обследований, смею утверждать, что ни в 1897 г., ни позже, вплоть до 1925 г., в Бердянском у., после выселения отсюда в самом начале 60-х гг. последних остатков нагайских татар в Турцию, здесь не было ни одного татарского, а тем более турецкого населенного пункта, а потому прихожу к заключению, что за названными в переписи 1897 г. в Бердянском у. турками и татарами скрывается кто-то иной, и думаю, что именно албанцы трех указанных выше колоний: Гаммовки, Георгиевки, Девненского, действительно в значительной своей части говорящие, кроме родного албанского языка, также и на языке турецком.

Действительный состав населения названных трех албанских колоний, по данным на 1923 г., имеющимся в местном (Второ-Покровском) районном исполкоме, выражался в следующих цифрах:

с. Гаммовка	456 мужчин	481 женщина	всего	937 чел.
с. Георгиевка	655 »	635 женщин	»	1 290 »
с. Девненское	385 »	438 »	»	823 »
Итого	1 496	1 554		3 050

Если из этих цифр отбросить русское население прилегающих хуторов, которого для Гаммовки насчитывается приблизительно 200 человек обоего пола, для Георгиевки — 40 и для Девненского — 50, то

⁷ См. «Общий свод по Империи», т. II, 1905, стр. XVI.

албанцев, в общем, для названных трех сел придется считать для 20-х гг. нашего века около 2760 человек обоего пола, за небольшим исключением из этого числа единичных албанизовавшихся болгар и гагаузов, которые могли показать своим родным языком язык болгарский или, действительно, язык турецкий (гагаузы).

По данным Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г., албанцев на территории СССР числилось 3057 человек по народности и 3008 человек — по языку, в том числе соответственно: в европейской части СССР 3033—2971 и в Азиатской части 24—37⁸.

Что касается, в частности, языка населения, то в этом отношении последнее представляет собой поразительное явление: обычным разговорным языком служит здесь язык албанский; рядом с ним по своей популярности стоит язык турецкий; мужское население, отчасти и женское, говорит, кроме того, по-русски, и, наконец, в отдельных семьях, наряду с албанским и турецким языками, слышна и болгарская речь. Этот полиглотизм явился в результате смешанных браков: наши албанцы владеют обязательно родной албанской и турецкой речью, а если в семью входит, в единичных случаях, в лице отца или матери болгарский элемент, то он усваивает и то и другое, но вместе с тем сохраняет и свой родной болгарский язык.

О своей бывшей родине до переселения на территорию Приазовья б. Мелитопольского округа масса нашего албанского населения вообще ничего не знает. Однако после долгих розысков удалось установить, что кое у кого из старшего поколения хранится в памяти, что родиной их была когда-то *Moldova*, откуда они, бежав за границу, были затем поселены «царем России» на настоящих местах их жительства. Покойный старик из с. Девненское Дмитрий Серемов рассказывал, что *каракуртцы* (албанцы) и *калинчакцы* (болгары) прибыли когда-то в Девну, из Девны пришли в Бессарабию, причем каракуртцы основали здесь с. Каракурт, а калинчакцы — с. Калинчак (в 10 км от Каракурта). По воспоминаниям жителя с. Гаммовки Мих. Конст. Кочева (60 лет), дед которого, Дмитрий Кочев, пришел из Девны в Каракурт в возрасте 28—30 лет и умер 85 лет от роду в 1885 г. в с. Гаммовке, переселение наших албанцев из Девны в бессарабское с. Каракурт имело место приблизительно в 1828—1830 гг. прошлого столетия. Житель с. Гаммовки Ив. Дм. Сербинов рассказывает, что, будучи солдатом в империалистическую войну 1914—1918 гг., он был отправлен в отрядом во Францию, откуда попал на салоникий фронт и был в Албании; оказалось, что тамошние каракуртцы говорят «по-нашему».

Вопрос о том, как албанские каракуртцы из Албании попали в болгарское с. Деви, а оттуда в Бессарабию, оставляю открытым. Что же касается пресловутой *Moldova*, то следует сказать, что в данном случае в народной памяти отмечен тот момент, когда после Севастопольской кампании, с отходом по Парижскому трактату южной окраины Бессарабской губ. (Измаильско-Болградский район) к Румынии, население района механически перешло под власть Румынии, получив вместе с тем право в установленный срок (три года) эмигрировать в Россию, частично воспользовалось этим правом и с большими жертвами и лишениями, преодолевая всевозможные формальные и материальные препятствия, все же покинуло свои насиженные места в Бессарабии и переселилось в Россию. Из истории нашей новороссийской колонизации мы знаем, что в 1861—1862 гг., таким образом, в б. Бердянском у.

⁸ В. П. Шибаев, Этнический состав населения европейской части Союза ССР, Л., 1930.

Таврической губ. возникло около 30 болгарских колоний с населением в несколько десятков тысяч человек⁹. Вместе с болгарскими иммигрантами в 1861—1862 гг. явились к нам же на Украину из Бессарабии и албанцы.

II

Этнографические материалы

Представляют ли собой наши украинские албанцы подлинных албанцев или же это далекие потомки албанизированного славянского населения западных окраин балкано-славянского мира, сказать трудно. Единственным показателем этнической принадлежности в данном случае служит только родной язык населения — албанский. Что же касается внешнего облика населения, его жилища, костюма, хозяйства и вообще всей материальной культуры, то по существу наши украинские албанцы в этом отношении ничем не отличаются от исследованных нами болгарских колонистов того же района. Это обстоятельство, однако, не представляет собой сколько-нибудь убедительного материала для решения основной этнической проблемы. Столетия совместной бок о бок с болгарями жизни сначала на территории Болгарии, затем в Бессарабии и, наконец, на Украине, при общности форм, методов и условий народнохозяйственной жизни, должны были несомненно произвести известную нивелировку и в области народного быта и притом не только в его материальной части, но также и в части культурной — в узком смысле этого слова. Тем не менее, надо полагать, кое-что в этой последней области у наших украинских албанцев сохранилось и из их оригинальной народной старины, тем более, что сравнительно-этнографическое изучение балканского населения обнаруживает множество точек соприкосновения и общности бытовых установлений, ввиду чего и решение вопроса о первоисточнике того или иного установления требует известной осторожности.

а) Родинные обряды

Новорожденного ребенка албанцы солят, посыпая солью места потения — подмышками, шею, суставы рук и ног и т. п. Делается это для того, чтобы уничтожить специфический запах — человеческий. Затем ребенка моют, пеленают и кладут к матери (lîhðna — родильница). Красной ниткой привязывают к голове родильницы и ребенка по стручку (skilîða) чеснока; кроме того, родильнице повязывают руку красной ниткой или ленточкой вроде браслета (tê kùke màrsi красный март). Пекут пироги — питы и приглашают „на богородичный пирог“ несколько женщин (ni tê rapajàsê pîtê). На третью ночь после рождения ребенка повивальная бабка (bâbo) обязательно ночует у родильницы. Новорожденного одевают в отцовскую рубаху, а у изголовья его кладут серебряный пояс (raft) и хлеб с солью: на третью ночь к новорожденному появляются невидимые существа — vrasnîs,ы (в Албании — fatîte), которые назначают судьбу новорожденному, чаще всего — быть ему богатым или бедным. Церковный обряд крещения обыкновенно бывает очень скоро после родов. Повивальная бабка извещает о дне крещения кума (pup) и куму (pîpê). Мужчин на крестины приглашает отец, женщин — одна из родственниц. Домой из церкви после крещения новорожденного — мальчика несет кум, а де-

⁹ См. Н. С. Державин, Болгарские колонии в России, Таврическая, Херсонская и Бессарабская губ. Материалы по славянской этнографии, София, 1914.

вочку — кума. В дверях дома останавливаются, держа в руках зажженные свечи. Входя с младенцем в комнату, говорят: *turk emùgmë, xist'jân esùlmë* (турка взяли, христианина принесли) и передают ребенка бабке, которая передает его матери со словами: *plja mèra birnë* (или *bilân*) *fin*, называя при этом имя новорожденного, т. е. : на, возьми сына (или дочь) твоего, такого-то. На второй день после крестин в дом к новорожденному собираются женщины и кропят освященной водой (*ajázma*) родильницу с ребенком. В тарелку с освященной водой бросают зерна, серебро, деньги; купают ребенка, обедают и расходятся по домам.

б) Свадебные обряды

1. *djâli zalahëti ma çipët* *молодой человек (парень) говорил с девушкой*. Свадьбе предшествует обыкновенно предварительный уговор молодого человека и девушки на хороводе (*ni vâlet*).

2. *mblüss* — *сватание*. После состоявшегося уговора молодой человек посылает одного или двух из своих близких родственников к родным девушки, чтобы узнать, можно ли посылать сватов. Получив утвердительный ответ, молодой человек шлет к родителям невесты делегацию сватов (*svâta*, мн. ч. *svâtora*) из нескольких самых близких своих родственников; в этой делегации обязательно присутствует отец или мать жениха или лицо, их заменяющее. Сваты имеют с собой золотую монету (червонец) и баклажок (*gɛlgɛɛ*) с вином. При входе в дом невесты сваты говорят:

*na pâmë ta jûva n'i bâket n'i
tɛ kùk' trandafil, jèrmë tandükem;
otnalirni li tandükem esa pok li?*

— мы видели у вас в саду (одну) красную розу, пришли сорвать; оставите (разрешите) ли сорвать или нет.

Со стороны невесты на это отвечают:

ni êštë kesmët, otandükni; ni mos, kom kerkóni kesmët

— если есть судьба, сорвете; если нет, идите ищите (себе) судьбы! — т. е., если вам суждено найти здесь то, что вы ищете, вы получите искомое, а нет, то поищите в другом месте.

После этого сватов приглашают в комнату; начинаются расспросы о состоянии семьи, имущества, о том, которая по счету среди детей будет невеста, и т. п. В конце концов к родителям обращаются с вопросом, согласны ли они отдать дочь; о том же спрашивают и девушку. После утвердительного ответа идет договор о подарках как со стороны жениха, так и со стороны невесты. Договор заканчивается передачей невесте баклажка с привязанными к нему красной ниткой червонцем и пучком васильков (*bisil'ok*). Принимая баклажок, невеста целует руку подавшему, затем, начиная со свекра, угощает из этого баклажка всех присутствующих, целуя им руки, а сваты в ответ на угощение дарят невесте головной платок (*çembër*), на что невеста с своей стороны отвечает подарком каждому из сватов по полотенцу (*peškir*). После обмена подарками сватов опять угощают, говоря: *šëfkinezë (?) ma tɛ mirɛ zɛmɛ, ma šindët tɛ kitɛm ni ânɛt!* — с хорошим начали, со здоровьем вытащим к концу, т. е. хорошим начали — хорошим и кончать! — Принимающие угощение отвечают: *šëfkinàrozas!* После этого сваты окончательно улаиваются с родителями невесты о дне помолвки (*gùgë*) и свадьбы (*dârsmë*).

3. *gùgë*. В назначенный день, обыкновенно в субботу вечером, в дом жениха собираются родственники, откуда отправляются к невесте, неся с собой: *raft* — пояс с серебряными украшениями, *vrahël* — серебряный браслет, *opàzga* — кольца (ед. ч. *opàzɛ*), золотые червонцы и платье для невесты. По приходе в дом невесты подарки кладут на

стол и родственники невесты их осматривают; затем подарки передаются отцу невесты, причем в кольца для жениха и невесты вдеваются пучки васильков; эти пучки выдергивают и смотрят: в чем кольце осталось васильков больше, тот и будет главенствовать в семье. В это же время от невесты передаются подарки отцу жениха: рубашка, подушка, чулки. Старики садятся за стол, а невесту одевают.

Обряд одевания проходит в таком порядке: невесту одевает деверь, причем, беря в руки тот или иной предмет, прежде чем надеть его на невесту, трижды его встряхивает по направлению к востоку, а девушки в это время поют вокруг невесты на болгарском языке: *paходilи saј, nanusilи saј, nej li ti žalko na tvòјta muminstva, nej li ti žalko na tvòјta mājka* и т. п. После этого невеста уже называется *zgodonica*, а жених — *zgodonik*. После одевания невеста (*nùse*) целует всем руки, начиная с деверя, и молодые садятся за отдельный стол. Во время угощения гости (*musafir*) и хозяйка (*čorbadžijni*) за обоими столами обмениваются подношениями (*kopiska*): хлебом и курицей и другими подарками. Угощение продолжается до утра. Перед тем как гости должны разойтись (жених всегда уходит первым), невеста отбирает у гостей сделанные им подарки обратно, устраивается хоровод, и уже здесь, на виду у всех, невеста вновь раздает гостям свои подарки, целуя при этом у каждого руку.

4. *dársme* — начинается с понедельника: а) *brème* — тесто. Вечером в понедельник к жениху собираются парни и девушки; из среды девушек выбирают троих (не сироток) — *zèlvga*, и они через три сита (*site*) просеивают муку (*mil*). Во время просеивания муки головы этих девушек покрыты красными платками (*tè àlte sker* — красное було); на голову одной из них, которая затем месит тесто, надевают мужскую шапку; сзади же за пояс каждой из них воткнуто по камышинке; когда одна из них начинает месить тесто, все камышинки втыкают ей за пояс; эти камышинки потом хранятся свекровью (*vìhga*) до конца свадьбы. Во время просеивания муки стараются, чтобы сита не ударились друг о друга; это необходимо для того, чтобы молодые не ссорились (*mos šàhen tè ritè*). Тесто делают пресное. Тесто это месится не кулаками, а пальцами, чтобы молодые не показывали друг другу кулаков. Замешенное тесто счищают не лопаточкой, а жениховым кольцом. Из этого теста выпекается затем круглый плоский хлеб — *pitè*. Во время выпечки хлеба ведут хоровод. Когда хлеб испечен, его разламывают на голове жениха, который стоит на пороге дома лицом к востоку. Жених затем разламывает хлеб на более мелкие куски и раздает в хороводе гостям.

б) *brème* у невесты. В среду днем родственники жениха отправляются к невесте, которая встречает гостей, целуя им руки, а затем усаживает их за стол и показывает им все свое приданое. После этого гости уходят, а вечером в тот же день к невесте собираются парни и девушки и точно так же, как и у жениха, здесь устраивается *brème*, с той лишь разницей, что главную роль здесь выполняет невеста.

в) *ta bojà* — обряд крашения невесты (дословно „с краской“). В четверг жених выбирает себе „изметчиев“, товарищей — прислужников на свадьбе. В этот же день в былое время от жениха к невесте отправлялись *ta bojà*, т. е. «с краской», и у невесты устраивался обряд крашения; красили щеки, губы невесты. Теперь самый обряд крашения уже утрачен, но имя его сохранилось. Гости отправляются к невесте *ta bojà*, но без краски, и невесту не красят: дело ограничивается только угощением.

г) *kul'áč* — хлеб. В пятницу одновременно у жениха и невесты пекут *kul'áč* и обе стороны приглашают на этот день к себе гостей: *tè vijnì ni kul'áčte* — приходите на куляч! От жениха гости отправля-

ются с кулячами к невесте, там обмениваются кулячами и возвращаются обратно.

д) та miš; та gòba. Утром в субботу „изметчии“ жениха отправляются к невесте та m'iš, т. е. „с мясом“. На приношение невеста отвечает с своей стороны подарком — платками (bòkča; та bòkčit — с платком или платком). Вечером в тот же день после вечерней церковной службы идут к невесте — та gòba, т. е. с одеждой, подвечерным платьем. Отвечая на подарок, невеста дарит жениху рубашку, пояс и т. п. Вечер субботы обыкновенно проводят у невесты в том же духе, как и вечер gùgë.

е) Обряды в день венчания. Утром в воскресенье специальная депутация от жениха посылается за кумом (pup). Привод и встреча кума отличаются исключительной торжественностью. Вместе с кумом жених отправляется к невесте. Невесту одевает к венцу кумà (nùne) — и покрывает ее булом (красный платок). Когда невеста готова, деверь (bešà) за руку подводит ее к жениху. Кум благословляет молодых. После этого, прежде чем процессия двинуться к церкви, перед молодыми разливают ведро воды и молодые должны пройти через воду. Кроме того, перед молодыми растягивают железную цепь (sindžir), и они должны пройти через эту цепь, что продельвается до трех раз. Затем процессия отправляется в церковь, где совершается церковный обряд венчания, а после венчания вся процессия из церкви направляется к жениху, где молодых встречают свекор со свекровью, держа в руках чашку с мукой, в которую воткнуты три свечи; свекор (vixer) и свекровь при встрече молодых исполняют перед ними танец. Затем свекора и свекровь обмазывают мукой из чашки: te gòpne te gite de plèktë ger te zbården si k(ε)tà te bårda mil, т. е., чтобы жили молодые и старые пока побелеют, как эта белая мука. После этого кума снимает с невесты пояс (raft) и набрасывает его на шею жениху и невесте и таким образом ведет их к порогу, причем кума держит в руке стакан с медом, а невеста, макая пальцем в мед, пишет медом на дверях в четырех углах кресты. Введя молодых в комнату, ставят их в угол и дают жениху девочку, а невесте — мальчика. Оставаясь в прежнем положении с поясом на шее, жених и невеста три раза приподнимают и опускают детей. После этого жениха освобождают, а невеста продолжает оставаться стоять в углу до конца угощения, которое продолжается до самого вечера. Это угощение называется угощением кума (gostitën nùpne — угощают кума), который является здесь центральной фигурой и предметом общего внимания: ему первому, и притом лучшие блюда, для него песни и танцы. Под конец угощения кума устраивают gemi — корабль из куска хлеба (ku'áč) и других продуктов. В это же время зажигается трубка с порохом; выстрел сопровождается криками ура. Угощение заканчивается хороводом с участием в нем кума, жениха и невесты, после чего кумовья и девушки расходятся по домам.

ж) rokžej. Родственники невесты — мужчины — собираются к невесте и угощают ее. Угощение сопровождается шутками над родственниками жениха в форме капризных, заведомо невыполнимых требований к угощению и т. п. В это время двое „изметчиев“ направляются в дом невесты с приглашением пожаловать на rokžej — та kružke, т. е. с родственниками. Из дома невесты отправляются с подарками для родных жениха. Подарки делаются обоюдные, причем стараются, чтобы число подарков было четное.

з) Честь новобрачной. После брачной постели невеста переодевается, а нижнюю сорочку передает ближней родственнице, которая кладет ее в решето (šòšë), покрывает решето красным платком (sker) и выносит в комнату на всеобщее освидетельствование.

и) *təmbəl'a rakija* — сладкая водка. Деверь (*bəšša*) с обмотанной красным платком головой в сопровождении родственников жениха отправляется к родственникам невесты, угощает их сладкой водкой и затем возвращается к жениху.

к) Понедельник с утра до обеда в доме жениха проходит в разных выходках и шутках по адресу молодых: портят стены, чтобы дать работу молодой, заставляют молодых перетаскивать с места на место разные предметы, впрягают их в бричку и т. п.

л) выкуп приданого невесты (*gòbat šèsəp* — *одежду продают*). В присутствии невесты пересматривается и проверяется ее имущество. Кивком головы, так как во все время свадьбы невеста должна хранить молчание, она дает свое согласие на принятие имущества.

м) Снятие було (*skep*). При снятии було его сворачивают вместе с теми камешками, которые еще со времени *darstə* хранятся у свекрови; идут к колодцу; в ведро с водой опускают различные сладости (конфеты, орехи и пр.), а также обязательно ячмень, причем ячмень высыпают в ведро из тех башмаков, в которых невеста венчалась (*kròtes pəstàlka*); затем ведро опрокидывают и дети подбирают сладости.

н) Невеста получает право говорить. Начиная со свекра, все по очереди дарят молодой какой-либо предмет из кухонных принадлежностей, и невеста впервые после свадебного молчания начинает говорить с тем, кто сделал ей подарок. По окончании подношений невеста обмывает всем членам своей новой семьи ноги и с этого времени начинает принимать активное участие в жизни и трудах семьи.

о) *pàrta* — *pàpa* — *вперед—назад*. В понедельник вечером невеста в сопровождении родственников идет к матери в гости и оттуда возвращается домой. Этим последним актом свадьба формально оканчивается.

К сказанному надо прибавить, что все свадебные обряды у албанцев обязательно сопровождаются пением или музыкой, причем поют обыкновенно девушки; музыкант же на свадьбе (*dzigulàr*) всегда бывает один и выполняет все музыкальные номера на своей *səgùl'ke* (то же, что у болгар *кешенчѐ*, у сербов *ћетанѐ*, у гагаузов *кетанѐ* и пр.) — *solo*.

в) Похоронные обряды

При последних минутах умирающего присутствующие обращаются к нему со словами: *šùtə* — *ndəlèz* такому-то! (имя), как бы посылая через умирающего свой поклон ранее умершему близкому родственнику. После кончины покойника обмывают (*tə l'arə tə vdèkurə* — купание покойника); мужчину — мужчины, женщину — женщины, и одевают. Затем обмеряют длину тела покойника белой и черной нитками и эти нитки бросают потом на крышу дома: *kəsmèti də šindèti kutù tsèsə*, т. е. счастье и здоровье здесь чтобы остались. В том случае, если тело покойника на ночь остается в доме, под голову ему кладут хлеб с солью, а утром этот хлеб с солью дают скотине: *kəsmètnə tə hajvànət mos etàrə*, т. е. счастье скотины чтобы не взял. Корыто и ведро, бывшие в употреблении при обмывании покойника, остаются в перевернутом положении, дном кверху, вплоть до того момента, когда вынесут покойника со двора, после чего их опять переворачивают в нормальное положение. Это делается для того — *mos bènət zağàr*, т. е., чтобы не было ущерба.

Когда готов гроб, покойника укладывают в гроб со скрещенными на груди руками, в руки вставляют свечу, на голову накладывают венчик, за пазуху кладут деньги. Из дому выносят покойника ногами вперед. Могилу для покойника роют вблизи могил близких родных.

Отправляясь на кладбище для рытья могилы, могильщики несут с собой из дома покойника ведро с горящим углем (кирпич из навоза, служащий здесь обычным отопительным материалом), и во все время, пока роется могила, поддерживается огонь, а место для могилы окуривается ладаном.

Когда могила приготовлена, в нее бросают мерку с тела покойника. Один из могильщиков остается на дежурстве у ямы, а другой отправляется в церковь за хоругвями и фонарем и идет с ними к покойнику. Во время остановок похоронной процессии на кладбище под гроб подстилают полотенце и бросают деньги (*jo! bez!*; *jo!* тур. — дорога, *bez* — полотно из бумаги); деньгами этими покойник как бы расплачивается за то место, где останавливается его гроб. При опускании покойника в могилу во время пения „вечная память“ присутствующие бросают по три горсти земли, а близким покойника бросают землю за воротник; делается это для того, чтобы покойник *špejt te hađone*, т. е. скоро забыл. В могиле покойника кладут лицом на восток; крест над могилой ставят в головах.

С момента смерти и до выноса из дома покойника, если в доме имеются часы, их останавливают; зеркало завешивают полотенцем, и оно остается завешанным в течение сорока дней после покойника. В день смерти на дерево вешают полотенце с деньгами, и оно висит здесь тоже в течение сорока дней.

Поминки по покойнике устраивают на 3-й, 9-й, 20-й и 40-й дни; выражаются они в форме обеда; во время поминального обеда обыкновенно говорят: *ndelëni*, т. е. поминайте. Комнату, в которой устраивается поминальный обед, окуривают ладаном.

III

Народные праздники

Народный обрядовый год у украинских албанцев начинается с 20 декабря, *Игнатъева дня*. С этого дня Богородица начинает страдать муками родов (*rapajàsë mendim*). Начиная с 20 декабря и до 8 января — „бабина дня“, нельзя ни прясть, ни ткать. Накануне этого дня, вечером варят колево, кадят ладаном, а на следующий день рано утром хозяйка веревкой очерчивает круг и по этому кругу посыпает колево, а сама садится в середину круга и сидит таким образом до тех пор, пока куры не поклюют все зерно.

25 декабря kòlada. Начиная с Игнатъева дня, парни каждый вечер устраивают спевки, причем обыкновенно делятся на две группы — *d'ij kòle*. В каждой группе лучший из певцов назначается группой на роль *станиник-а*, представителя или главы группы, а также выбирается и его заместитель (*ko!*; дословное значение — рука). Второе после станиника и его заместителя место в группе занимает *ašertmadži*. Между этими двумя группами коледарей устанавливается предварительное соглашение на счет того, какую часть села какая группа должна обойти. Вечером, в канун Рождества, часов в 9, обе группы вместе отправляются к председателю сельсовета просить разрешения — *kolàde te këndònnë*, т. е. петь коляду. Получив от председателя требуемое разрешение и спев у него первого колядские песни, группы отделяются одна от другой, и каждая обходит свою часть. Подойдя к тому или иному дому, коледари поют колядку сначала под окном, а затем входят в дом и садятся рядом друг с другом; станиник занимает первое место. Поют „коладу“ по куплетам: первый куплет поет группа вместе со станиником, второй — вместе с *ašertmadži*. По окончании пения хозяева дают станинику „куляч“ (плоский хлеб). Приняв

„куляч“, станиник читает молитву, благословляет хлеб и передает его одному из товарищей, исполняющему в группе обязанности носильщика. После этого коледари с пением уходят из дома. Если в доме имеется девушка, за которой ухаживает тот или иной из членов группы коледарей, а этот момент учитывается при группировке коледарей на группы для обхода той или иной части села, — станиник, спев и благословив хлеб, передает хлеб сначала этому именно то варищу, который тоже произносит „благословку“, а если не знает ее текста, то читает „Отче наш“ и затем передает хлеб носильщику. Собранный во время коледования хлеб продают; вырученные от продажи деньги коледари, члены группы, делят между собой, и затем каждый от себя лично часть от полученной суммы вносит или на церковь или на „сельбудынок“ — сельский домпросвет.

1 января, sŭrveš. Вечером накануне нового года пекут „питу“, или „милину“ (пирог), запекая в нем медную монету, фасоль, соломинку, кукурузинку и пр. Испеченный пирог кладут на низенький круглый стол, а под стол кладут вербовые ветки. Семья собирается вокруг стола. Кроме пирога, на столе в это же время стоит тарелка с пшеницей, луком, чесноком, орехами и пр. Усевшись вокруг стола, все поднимаются и молятся. Глава семьи лемешом от плуга кадит вокруг стола. Этим же лемешом, держа в другой руке вербовую ветку, он окуривает лошадей и весь скот со словами на болгарском языке: *sŭrve gudina, rak du gudina!* Ужин начинается с того, что пирог разрезывается на части по числу сидящих за столом. По предмету, который окажется в его части пирога, каждому предсказывается его судьба: иметь ли ему много лошадей, коров и пр. В этот же вечер гадают по луку: с головки лука снимают 12 чашечек, и в каждую насыпают соли, и в какой чашечке появится вода, соответственный месяц будет дождливым. Кроме того, в чашечки от лука же кладут хлебные зерна и судят, на какой вид зерна в текущем году надо ждать урожая. Едят новогодние орехи и по внутренности орехов тоже гадают. Вечером в тот же день ходят по селу мальчики и поют под окнами; им дают кулячи, деньги. Эти мальчики называются *balŭpkę*, так же называется и самый вечер. Утром в день нового года по дворам ходят дети с вербовыми ветками в руках и кричат *sŭrve*, заходят в дом и ветками бьют хозяина дома, хозяйку и пр. У первых посетителей — сурвачей — отламывают кусочек вербовой веточки и кладут его на курятник для того, чтобы водилось больше птицы.

5 января aĵazta — освященная вода. От 1 до 5 января домов выметут; впервые выметают сор 5 января утром. Зола из печи от 20 до 25 декабря и от 1 до 5 января собирают и выбрасывают за село степь, брызгая ее освященной водой. День 5 января называется *i tãda aĵazta*, т. е. „большая аязма“. В этот день, с утра до вечера постант.

6 января jordãn. В этот день молодожены посещают церковь. Прибывшие, близкие родственники и знакомые кропят их „святой водой“ (брызжут ею на голову), в ответ на что молодые приглашают их к себе на обед. В этот же день крестьяне объезжают свои полевые участки — нивки, или делянки, и кропят их „святой“ водой. Обедают в этот день только после возвращения с поля.

7 января. Именинники Иваны в этот день устраивают у себя дом *курбан*. Различаются *курбан* общественный и *курбан* частный, семейный, домашний. *Курбан* общественный — это общесельская трапеза у церкви с церковным благословением и освящением приносимых каждым продуктов питания. Каждого Ивана в этот день тянут за уши и дарят ему деньги.

8 января — „бабин день“. Женщины отправляются к повивальной бабке с пирогом, васильками, куском мыла и полотенцем. Подают

бабке мыло, каждая женщина льет ей на руки воду и отдает полотенце. Собравшихся гостей бабка угощает обедом.

17 января, šin tapàs святой Афанасий. Середина зимы. Курбан у Афанасов.

19 января, šin antòn — святой Антон. Курбан у Антонов.

1 февраля, šin trifon — святой Трифон.

3 февраля, šin simeon — святой Симеон; в эти два дня не шьют, не режут, чтобы вновь народившаяся скотина была без изъяна. Если же в эти дни окажется необходимость что-либо резать, то сначала надрезают порог и хвост кошки, а затем уже могут резать и то, что надобно.

Масляница. В течение всей масляничной недели молодежь катается верхом на лошадях. Вечером в воскресенье жгут костры и прыгают через огонь. В тот же вечер идут друг к другу прощаться.

Великий пост. В первый день поста не варят в черных кастрюлях, чтобы не было зоны в хлебах (специальный зерновой грибок). В субботу первой недели поста молодежь выезжает верхом на лошадях в степь и здесь устраиваются скачки (šin tòdër) — святой Феодор.

1 марта. До восхода солнца подметают дом и вместе с сором выбрасывают вон и метлу. На руки повязывают красные нитки, то же и на деревья; среди двора раскладывают костер; не ткут, чтобы не гремел сильный гром. При виде стаи перелетных птиц поют: lelek, lelek xavadà, imartasè tàvada, т. е. „аист, аист в воздух (xavà тур. — погода), яйцо его на сковороде“.

9 марта, kèrk ašik. В этот день исполняют сорок работ; считают яйца: если их окажется больше сорока, — к богатству, если меньше, — к бедности. Выметая из избы сор, говорят plèštat jàšte, màrsi brènda — „блохи на дворе, март в комнате“.

25 марта, blaguštenì — благовещение. Накануне ложкой стучат по сковороде, приговаривая: g'arç, garç, iku: blaguštenì te arivu — „змея, змея, убегай: Благовещение тебя нагнало“.

Лазарева суббота. Девочки, держа друг дружку за пояс, ходят по домам и поют лазарские песни. Каждая девочка в группе имеет свое название: 1) bojanès, 2) nùse невеста; 3) kolobišt; 4) b'išt — хвост. Девочка, называемая nùse — невеста, бывает покрыта красным платком.

Страстной четверг. В этот день, по поверию, могилы на кладбище три раза поднимаются и опускаются. Накануне четверга, в полночь пекут хлебы, готовят коливо (кутья), разводят огонь во дворе, ставят у огня стол (sinì) и на стол все приготовленное, на столе зажигают свечи, вокруг стола кладут подушки для сидения и кадят. В это время, по народному поверию, бог выпускает мертвых на свободу на сорок дней. Мертвые являлись к столу, садились на подушки вокруг стола и кушают. Спустя некоторое время, ночью же, убрав со стола хлебы и кутью, несут их на кладбище и здесь раздают друг другу. После этого вплоть до Вознесения по четвергам раздают друг другу хлеб и кутью, отправляются на кладбище и поливают водой могилы покойников. В последний раз это делается в среду накануне Вознесения, после чего мертвые возвращаются на свои места и бог закрывает ворота. 9-й день после Пасхи — близкими родственниками устраивается общий обед на кладбище.

23 апреля šin g'òrgi — святой Георгий. В каждом доме в этот день режут ягненка и в приготовленном виде несут его в церковь, где его святят, затем возвращаются домой, и на улице у дома близкие родственники устраивают общий обед — курбан. Кровь ягненка, кишки и все внутренности бросают в реку: на здоровье и урожай.

1 мая, reregùda. Девушки группами ходят по дворам и обливают водой только что вышедших замуж женщин в доме, а парни обливают

всех девушек водой. Девушкам дают муку, крупу, соль, свечи, ладан, деньги. Муку подают девушкам в сите; освободив сито от муки, девушка катит его по земле: если оно упадет дном книзу, — к урожаю, если же оно ляжет дном кверху, — к неурожаю. Среди девушек одна называется *pîse* — невеста; ее одевают в костюм из травы, а голову украшают венком из цветов. Во время пения „пеперуды“ эта девушка — *pîse* ходит взад и вперед, а хозяин дома разливает перед ней ведро воды. В это же время в медное ведро собирают сажу. Существует также обычай в этот день воровать мартовского цыпленка. После „пеперуды“ девушки делают „керванчу“. Собравшись тайком, они лепят из глины фигурку человека и затем хоронят ее со всеми погребальными установлениями: окружают ее с зажженными свечами и васильками в руках, кадят вокруг, оплакивают и затем закапывают в землю на засеянной нивке; в течение трех первых дней после похорон по утрам и вечерам навещают могилу своего покойника, поливают ее водой, зажигают над ней свечи. На третий день покойника откапывают и тайком бросают в реку, прося у бога дождя.

Вознесение. Накануне вечером раздают чеснок, лук и вообще зелень в поминки по умершим. В день Вознесения устраиваются большие хороводы, на которые съезжаются из окрестных сел (сбор).

Троица. Зелеными ветками украшают комнаты; пол устилают зеленью; устраивают сбор.

24 июня, jâjna. Проветривают во дворах одежду, чтобы не завонялась моль.

29 августа. Не едят черного винограда и красных арбузов, так как они напоминают кровь головы Иоанна Крестителя.

14 сентября — „крестов пост“.

26 октября, šin mîtri — святой Димитрий; все Димитрии устраивают у себя курбан.

8 ноября, xarangèl — архангел. Венчавшиеся после Димитрова дня устраивают в этот день курбан.

4 декабря — не варят в черных кастрюлях и не пекут кукурузы, чтобы не было оспы.

5 декабря — Савва.

6 декабря — Николай; разносят угощение о здравии Николая чудотворца.

НАРОДНЫЕ ФАМИЛИИ

а) с. Георгиевка

1. Борлăчки.	16. Лёгу (Лев, Леонтий); Ради Иван Лёгос—
ния, отчество, фамилия (послед—
няя от Лёгу — на вопрос: чей?).
2. Буланьк (тур. мутный) ¹⁰ .	
3. Гайдўри.	
4. Дындын (дын-дын—танцевать, играть).	17. Лячко.
5. Дзынгу (дзын-дзын — играть, петь).	18. Мёнджу (Михаил).
6. Дѳбри (Даниил).	19. Мермечлй (мермер — мрамор).
7. Драгѳй.	20. Мёрджу.
8. Зѳрба.	21. Моштѳдри (Федор, с приставкой моѳ,
выражающей почтительность отно—
шения к лицу).
9. Каймѳни.	22. Нидялку (Надежда).
10. Качўчи (Кирилл).	23. Новѳц.
11. Кѳрте (Кирилл).	24. Пандѳр.
12. Кешѳш.	25. Пандычки.
13. Кирчу (Кирилл).	26. Парўш (Петр).
14. Кисидѳбри.	
15. Кискйп (тур. острый).	

¹⁰ В скобках приведены местные объяснения происхождения той или иной фамилии.

27. Пейчу (Петр).	32. Трёпо (Трофим).
28. Спасу.	33. Трошу (Трофим).
29. Станку (Степанида).	34. Узун-коли (тур. uzun — длинный).
30. Татари.	35. Чакыр (бельмо).
31. Тонкы (Федора).	36. Чальку (острый, кипучий).

б) с. Девненское (Таз)

1. Бабуш.	13. Миц (Михаил).
2. Бойчу (тур. boy — рост).	14. Ормани-Орманджи (лесник, сторож).
3. Джаным (тур. — душа).	15. Панту (кичливый).
4. Длгу (болг. длинный).	16. Параскева.
5. Ексар.	17. Пиперко (пипер — перец).
6. Ивру.	18. Попоран.
7. Иовчу (Иов).	19. Пульчу (Павел).
8. Калуш (Акилина).	20. Сендели (шатающийся).
9. Каракаш (тур. черная бровь).	21. Сереми (серемджа — невнимательный).
10. Караяни (тур. черный Иван).	22. Терзи (тур. портной).
11. Кюркчидобри.	23. Чепеленко (чепель — кусок, карлик).
12. Мирчу.	24. Шопи, Шопов.

в) с. Гаммовка (Джандран)

1. Бабеоглу.	12. Кочев.
2. Болгаров.	13. Кула.
3. Данчев.	14. Курдулов.
4. Динчу.	15. Курти.
5. Дымов.	16. Панаетов (Пантелей).
6. Друмов.	17. Стогольский.
7. Кайрачка (Кайрак, Кирьяк — Кирилл).	18. Топалов.
8. Карамелев (черный Михаил).	19. Урумов.
9. Каранейчик (черный Петр).	20. Фучаджи (бондарь).
10. Кательчу (Пантелей).	21. Хаджирадов.
11. Киразлив.	22. Чебанов.